

*Осени меня своим крылом,
Город детства с тайнами неназванными,
Счастлив я, что и в беде, и праздновании
Был слугой твоим и королем.
Я старался сделать все, что мог,
Не просил судьбу ни разу: высвободи!
И скажу на самой смертной исповеди,
Если есть на свете детский Бог:
Все я, Боже, получил сполна,
Где, в которой расписаться ведомости?
Об одном прошу, спаси от ненависти,
Мне не причитается она.*

Александр Галич

Политический детоцентризм: грезы во сне и наяву

К

огда я присутствую на различных форумах, круглых столах и дебатах о детстве, то в моем сознании навязчиво всплывает лаконичная фраза Остапа Бендера: «Беспризорные дети по-прежнему остаются без призора!»

И эта фраза каким-то странным образом увязывается еще с одним эпизодом из бессмертного произведения Евгения Петрова и Ильи

Ильфа «Двенадцать стульев»: «Ваше политическое кредо?» – «Всегда!» Но отбросим ироничные интонации и поставим следующие вопросы.

Может ли детоцентризм как ценностная установка культуры, выделенная известным демографом Анатолием Вишневским, стать в нашей стране своего рода политическим кредо государственной политики? Какие общественные силы вполне прагматично заинтересованы в том, чтобы от язвительно высмеянной в рассказе О. Генри «Вождь краснокожих» декларативной политики «чадолюбия» перейти к политике детоцентризма как неотъемлемому условию гуманистического и инновационного развития общества?

И, наконец, каким образом добиться политического понимания того, что забота

о детстве – это не столько долг, нравственный императив, благотворительность и меценатство со стороны общества, а эффективная и эффектная работа по инвестированию в самое что ни на есть настоящее государства, а не только в его прекрасное будущее.

В связи с этим не примину упомянуть искрометное высказывание о мифе «дети – наше будущее», как-то оброненное в разговоре со мной Зиновием Гердтом: «Почему все вокруг то и дело твердят, что дети – наше будущее? Меня это удивляет. Ведь ясно, что у детей – свое будущее, а у меня – свое».

Для того чтобы перейти от романтического образа детства к пониманию детства как ключевой задачи государственной политики, с самого начала необходимо поставить вопрос о том, существуют ли реальные силы – социальные группы, представители мира бизнеса, обладающие *рациональной детоцентристской мотивацией*. И этот вопрос отнюдь не относится к области риторики. В политике тогда и только тогда можно изменить ту или иную ситуацию, когда существуют элитарные группы, заинтересованные в изменении ситуации. Сказанное полностью относится и к формированию в стране ценностной установки политического детоцентризма.

Поэтому для ответа на вопрос о реальных силах, способных изменить отношение к детству, необходимо обратиться к сектору экономики, связанному с *индустрией* детства в широком смысле слова, и тем самым зависимо от отношения к детству на сцене государственной политики.

Производители обширного ассортимента детских товаров и услуг (строительство детских площадок, детское питание, одежда, игры и игрушки, детская литература, вечно необходимые учебники и учебные пособия, детское кинопроизводство и кинопрокат, телепередачи для детей и юношества, технические средства обучения – от интерактивных досок до технопарков и «музеев науки»... и т. д.) представляют собой реальных и потенциальных лоббистов, кровно заинтересованных в расширении экологии детства и проведении в жизни государственной детоцентристской политики. Они, как никто другой, являются мастерами маркетинга потребительского поведения разных слоев населения. И именно они могут стать осью кристаллизации социальной сети гражданского общества, усилия которого направлены на то, чтобы детоцентристская государственная политика стала былью, а не сказкой. Без преувеличения я мог бы назвать представителей мира детской индустрии *стейкхолдерами детства*.

Другая группа носителей рациональной детоцентристской мотивации условно может быть обозначена как группа профессионалов в области *детствоведения*. Существует разнообразный спектр профессий, которые появились в истории цивилизации благодаря выделению детства как особой реальности социальной жизни. Среди профессиональных детствоведов – прежде всего воспитатели и гувернеры, «дядьки» и «няньки», наставники и тренеры, педагоги и учителя, детские врачи и школьные психологи... Кто ведает, узнал бы мир о подвигах Александра Македонского, если бы его наставником и учителем не стал отец всех наук Аристотель. И вряд ли бы мы восторгались магическим даром поэзии Александра Сергеевича Пушкина, если бы в судьбе поэта не было Арины Родионовны. Не скрою, когда смотришь на профессиональных детствоведов сегодняшнего дня, порой так и подмывает ностальгически воскликнуть: «Где вы, Арины Родионов-

ны XXI века?» Но оставим ностальгию для лирических упражнений и вернемся к детоцентристской мотивации тех мастеров, профессиональным смыслом и оправданием деятельности которых является само существование детства. Отстаивание качества детства профессионалами в области детствоведения – это одновременно и рациональное отстаивание достоинства и качества своей профессии и своей собственной жизни. Вместе с тем представители профессионального цеха детствоведов весьма разобщены и разнородны. Они далеко не всегда рефлексировали себя как носителей детоцентристской мотивации. Однако при определенных условиях голоса этого сообщества могут сыграть самую конструктивную роль в продвижении государственной детоцентристской политики.

Третья группа носителей детоцентристской мотивации – это, образно говоря, социальные *адвокаты детства*. Символом их деятельности могла бы стать особая версия дорожного знака – «Осторожно, детство!». Без них не было бы и Конвенции о правах ребенка, и семейных судов, ювенальной юстиции. Вместе с тем, когда 1 июня в календаре ежегодных событий обозначается как «День защиты детей», а не «День детства», мне становится горько за мир, в котором мы вынуждены защищать детей и от себя, и от самых разных проявлений социальной и человеческой жестокости.

В этой действительности, увы, до сих пор как парадокс чужда звучат слова великого гуманиста, детского врача, писателя и педагога Януша Корчака: «Я никому не желаю зла. Не умею. Не знаю, как это делается».

Было бы странно, если бы среди социальных институтов общества, заинтересованных в детоцентристской политике государства, не была упомянута семья. Все мы знаем, что если взглянуть на ошеломляющую статистику разводов, рост социального сиротства, проявлений агрессии по отношению

Отстаивание качества детства профессионалами в области детствоведения – это одновременно и рациональное отстаивание достоинства и качества своей профессии и своей собственной жизни.

к собственным детям и т. д., *семья как институт родительства* переживает далеко не лучшие времена. Мудрая книга Януша Корчака «Как любить детей» не стала семейной библией. Заложенная же Иваном Сергеевичем Тургеневым социокультурная программа конфликта отцов и детей обладает поразительной современностью. Правда, признаюсь, что каждый раз, когда я слышу о конфликте отцов и детей, так и хочется спросить: «А где же матери?». Но удерживаюсь от подобного вопроса, вспоминая краткое определение отцовства, предложенное классиком культурной антропологии Маргарет Мид: «Отец – биологическая необходимость и социальная случайность». И все же особо подчеркну, что, несмотря на самые разные социальные, экономические и психологические бури, обрушивающиеся в культуре на семью, как институт родительства, именно семья по самой своей человеческой сути была, есть и будет носителем детоцентристской мотивации в нашем зарождающемся гражданском обществе.

И напоследок скажу о том профессиональном цехе, которому принадлежу всю свою сознательную жизнь и я сам, – о цехе экспертов, аналитиков, исследователей из самых разных областей науки, посвятивших себя пониманию и изучению многогранной природы детства. Прежде всего, в силу их исследовательского интереса к детству они так же являются носителями детоцентристской мотивации. Они не перестают надеяться, что их позиция будет услышана при выработке и принятии различных государственных решений, касающихся детства и судьбы детства в российской политике. Именно их позиции звучат на круглом столе «Детство как социокультурный феномен», который проходил в Федеральном институте развития образования весной 2010 года.

Важным стимулом к проведению круглого стола «Детство как социокультурный феномен», материалы которого частично представлены в настоящем номере журнала, стал форсайт-проект «Детство» как политическая программа действий, которые необходимо, предпринять по отношению к детству до 2030 года.

Инициаторами форсайт-проекта «Детство-2030» стали руководитель аппарата Общественной палаты России, председатель

фонда «Мое поколение» Алина Радченко и известный методолог, последователь философской школы методологии и логики Г. П. Щедровицкого Сергей Попов. Именно благодаря усилиям Алины Радченко и Сергея Попова инновационная технология проектирования будущего, технология форсайта (foresight – «взгляд в будущее»), ранее рекомендовавшая себя как эффективный инструмент проектирования и выделения приоритетов в сфере экономики, впервые была использована для создания широкомасштабного проекта «Детство-2030». Технология форсайта в принципе позволяет оценивать риски и строить различные сценарии, описывающие возможные траектории развития детства в исторической и социально-экономической перспективе. Именно технология форсайта претендует на то, чтобы наметить такие «дорожные карты», по которым будет осуществляться навигация политических действий, касающихся проблем детства в нашем обществе.

В известном смысле историческим прототипом форсайта является ситуация выбора былинным богатырем своего пути. По чистому полю, как все мы помним из сказок нашего детства, ехал русский богатырь Илья Муромец и подъехал к развилке трех дорог. На развилке горяч-камень лежит, а на камне надпись: «Направо поедешь – женатым быть, налево поедешь – богатым быть, а прямо поедешь – убитым быть».

В роли такого былинного богатыря, ищущего путь к пониманию и социальному конструированию детства, и оказались сегодня и наше государство, и общество, и различные социальные группы, заинтересованные в формировании политического детоцентризма как в России, так и в других странах мира. Только вот развилка перед нами куда больше, чем перед Иллей Муромцем. И поэтому тем, кто занимается детством, стоит сердцем читать и перечитывать слова из поэмы Александра Галича, вложенные им в уста Януша Корчака, которые стали эпиграфом к этому эссе. И если журнал «Образовательная политика» хоть в какой-то степени будет способствовать единению общественных сил вокруг детоцентризма как политического кредо наяву, а не во сне, в нашей с вами жизни, то я буду считать его миссию исполненной.